

О том, как пересылать недозволенные вещи в книгах, о самоуправляющемся пионерском лагере и первой влюбленности

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1577>

13 апреля 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 13 апреля 2013 и опубликована 7 августа 2014.

Введение

Очередная — четвертая — беседа с географом Борисом Борисовичем Родоманом посвящена его детству после возвращения из эвакуации. Ученый рассказывает о том, как сформировались интересы, приведшие его в науку, о своих детских увлечениях и фантазиях, об энциклопедиях, чтение которых было ему интереснее, чем общение со сверстниками, об обучении в отдельной школе, жертвой которого он себя считает.

Часть беседы отведена рассказу о поездке в пионерский лагерь: он подробно освещает взаимоотношения детей, иерархию авторитетов и лагерное самоуправление. Не менее тщательно ученый описывает коммунальную квартиру, в которой жил с родителями: хозяйство, взаимоотношения соседей, их судьбы.

В конце войны Борис Борисович на полгода попал в интернат для детей с ослабленным здоровьем, где и встретил долгожданную Победу.

Чтение книг, переписка с отцом и реформа алфавита

Юрий Вадимович Самодуров: Прошлая встреча хронологически кончилась, насколько я помню...

Борис Борисович Родоман: Моим возвращением из эвакуации в октябре 1943 года. Самая тяжелая часть войны осталась позади. Мы вернулись в полной уверенности, что победа будет за нашей страной, хотя впереди было еще долгих два года войны, и что надо налаживать нам свою жизнь в Москве. Мы были первой волной тех, кому удалось вернуться из эвакуации. Потому что, с некоторой хитростью, пропуск нам выписали в город Дмитров. Чтобы проехать туда, надо было ехать через Москву, а в Москве у нас были комнаты в коммунальной квартире, прописка постоянная. Поэтому мы, естественно, дальше не поехали. Хотя были такие вернувшиеся из эвакуации люди, которые нашли свою жилплощадь занятой другими, и жили даже в землянках в Московской области. У меня была одна такая девушка [знакомая].

Мне хотелось бы сделать шаг назад и еще вспомнить мое пребывание [в сибирской деревне] зимой 1942/43 года по той причине, что один из главных сюжетов моего рассказа о детстве — это объяснить, каким образом и в каком возрасте у меня сформировались интересы, которые сделали меня научным работником. Я считаю, что в двенадцать-тринадцать лет уже все это у меня сложилось. И год жизни в деревне был тоже очень плодотворным. Как я уже говорил, посещение начальной школы меня не очень затрудняло: школа была рядом, все, что там изучали, мне было известно давно, все учебники я давно прочитал. То, что говорил учитель, не было для меня интересным. Кроме того, я под любыми предлогами пропускал занятия, даже под предлогом мороза. Хотя самый большой мороз, который я пережил на улице, был только минус сорок пять. Самый большой мороз, который я пережил заочно, глядя сквозь стекло окна, — минус пятьдесят. При пятидесяти на улице не выходил. Более суровых морозов в моей жизни не было. В Сибири морозы переносились легко.

Итак, деревня. Были кое-какие книги, потому что в эвакуацию мы взяли много книг, и запас книг как-то пополнялся. Книжные магазины работали во время войны, книги можно было купить. Как я уже сказал, хотя обо мне и говорили, что я мальчик, который много читает, читает запоем, — это неправда. Я читал мало книг, но я обдумывал их.

” **Главный мой умственный труд был — обдумывание прочитанного. Прочитав сколько-то страниц, я откладывал книгу в сторону, начинал воображать себя живущим в этом мире, или героя книги живущим в моем мире.**

То есть у меня строился параллельный воображаемый мир, в котором я, естественно, играл роль бога, царя, императора и расставлял всех на свои места. Это была какая-то утопическая картина мира, очень похожая на реальную. Большую роль в моей литературной практике играла переписка с отцом. Тут у меня была возможность и необходимость много писать. Письма проходили через цензуру, на каждом письме был штамп: «Проверено военной цензурой». И некоторые строки, которые не нравились цензору (я могу сейчас судить по письмам, полученным от отца), были зачеркнуты, не одной линией, а плотным рядом волнистых линий — очень здорово были зачеркнуты. Но все-таки люди не выбрасывали эти письма в корзину, как это сделали бы сейчас. Письма с фронта тоже проходили цензуру, а переписка была бесплатная. Можно было посылать бандероли; посылки нельзя, тем более с продовольствием, а бандероли можно. Бандероли шли довольно быстро — ну, до Сибири, может быть, недели две, сейчас дольше идут. И даже в этих бандеролях умудрялись пересылать непозволенные вещи. Однажды отец прислал большую толстую плитку шоколада. Для этого был взят том сочинений не то Маркса, не то Энгельса. Представьте себе, часть тома перелистали, дальше вырезаете прямоугольную ямку, а края страниц остаются целыми. Туда вкладывается шоколад или еще что-то, потом закрывается, и обычной бандеролью это идет. Второй раз отец прислал мне то, о чем я всю жизнь мечтал: готовальню. Таким же образом. Там был транспортир и циркуль — то, что нового добавилось. Линейки у меня были, и они тоже

сыграли большую роль в моей жизни. Циркуль, транспортир, карандаш сделались моими главными орудиями. Бумага, откуда бралась бумага?

Ю.С.: В книжке вырезал, что ли, тоже?

Б.Р.: Да, совершенно верно. Это было сочинение не Сталина, не Ленина, но, видимо, Энгельса или Маркса. Цензура тоже, видимо, формально к этому относилась. Строго говоря, если подумать: зачем человек посылает один том какого-то Энгельса или Маркса в Сибирь во время войны? Кому это нужно? Но, видимо, они халатно относились к своим обязанностям. Они понимали, что делают то, что положено, а сверх этого ни во что не лезут. Так и дошло. Готовальня эта лежит у меня в ящике, рядом со мной. *(Кашляет.)* Бумага. Я думаю, что с бумагой дело обстояло, может быть, и неплохо, потому что была чистая бумага, как сейчас помню. Откуда она бралась? Моя тетка работала зоотехником в районном отделе сельского хозяйства. Там, наверное, давали какой-то минимум бумаги. Видимо, она бумагу и приносила. Мне много не требовалось. Мой умственный труд был такой: я начал с того, что реформировал для себя русский алфавит. Я пришел к выводу, что русский алфавит нелогично построен, потому что там смягчение согласных обозначается двумя путями: или когда после согласных стоят буквы «я», «ё», «ю», или когда стоит мягкий знак. И в этом есть противоречие, и в этих противоречиях мы путаемся... Я не буду сейчас в это углубляться. Короче говоря, когда все это понял, я убрал из русского алфавита лишние буквы. Потом убрал мягкий знак там, где он не так произносится.

Ю.С.: А какие лишние буквы? Это же интересно.

Б.Р.: «Я», «ё», «ю». Сейчас я не убираю «ё», наоборот, я его люблю... Я не нарушаю сейчас орфографию: в пределах той орфографии, которая сейчас принята, я всегда букву «ё» [ставлю]. Но, строго говоря, она необязательна... Я, по сути, сделал то, что сделал основоположник сербско-хорватской письменности Вук Караджич. Он использовал российский опыт, он же был заочным членом-корреспондентом Российской Академии наук, в России жил. Он довел до конца то, что при Петре не смогли сделать, все-таки люди тогда не очень разбирались, для них это ново было. Наш алфавит унаследовал много таких вещей. А Вук Караджич идеально использовал кириллицу. Когда сейчас читаешь тексты на сербском языке, видишь, как там все здорово.

Ю.С.: А когда он жил, Вук Караджич?

Б.Р.: Он жил в первой половине XIX века. Забегая вперед, скажу, что когда в 1964 году при Хрущеве — может быть, по его инициативе — решили реформу орфографии провести... Хорошо, конечно, что ее не сделали, — это было бы безумие, гораздо более вредное, чем медведевские часовые пояса сейчас. Тоже предмет самодурства: когда диктатор думает, чем бы ему еще войти в историю, что бы такое сделать? И он уже протянул свои лапы к русской орфографии, но его вскоре скинули, слава богу. Так вот, в 1964 году были дискуссии на эту тему. Мариэтта Шагинян написала, что русскую орфографию нельзя менять, потому что люди к ней привыкли. Действительно, ее замена очень дорого бы обошлась, страшно дорого. Все книги заново печатать, обучать... Но Мариэтта Шагинян оказалась не права, когда приводила в пример Великобританию. Мол, в Великобритании существует десятичная система счисления денег: фунт стерлингов делится на 20 шиллингов по 12 пенсов. Неудобно: двести сорок пенсов, но англичане к этому привыкли. Был у нее такой аргумент. Но не успела Мариэтта Шагинян это сказать, как англичане провели реформу: упразднили шиллинги, и у них фунт стерлингов теперь делится на сто пенсов. Так что ее аргумент не сработал. Тем не менее этот аргумент правильный по сути дела. Так вот, я имел наглость выступать даже в Доме книги на дискуссии, что русский алфавит устарел, и его надо реформировать (в присутствии самого Дитмара Эльяшевича Розенталя, автора множества учебников по русской орфографии). Но я выступал в пределах регламента, как сумасшедший с улицы, никто, конечно, серьезно к моему выступлению не отнесся. Хотя я работал в том же здании в издательстве «Географгиз». Вот это, так сказать, была вторая отрыжка того, что я в двенадцатилетнем возрасте придумал.

Дальше. Так как у нас стены были выбелены просто мелом, мне бумага не нужна была.

Ю.С.: В избе, где вы жили?

Истоки научной специальности

Б.Р.: Это не изба — общежитие, дом бревенчатый на четыре квартиры. Мы одну из квартир занимали. В одной из квартир мы четверо занимали две комнаты, в остальных комнатах ютились постоянные жители, которых уплотнили, когда мы приехали. У меня над кроватью была целая стена, несколько квадратных метров площади, там я писал карандашом: самые первые чертежи, самые разнообразные... Надо сказать, что мои чертежи и надписи — это вершина айсберга, у меня девяносто процентов всего в воображении прокручивается. Если написал одну-две вещи, один-два чертежа, то это ничтожная часть того, что у меня в воображении. Оно и так у меня в воображении держится, совершенно не обязательно все изображать. Поэтому собственно документов мало.

И вот со второй бандеролью — или с первой, до шоколадки — пришла готовальня.

<...> Моим любимым занятием стало вычерчивание многоконечных звезд. Это моё хобби.

Вы представляете себе, что такое пятиконечная звезда? Чтобы нарисовать правильную пятиконечную звезду, нужно нарисовать окружность, разделить ее на пять частей при помощи транспортира, хотя есть и другие способы, и соединить линиями. Ну а большее число? Меня увлекало большее число. Я придумал себе флаг, голубой флаг, на его фоне золотая звезда семиконечная. Ну вот. Дальше я делю окружность на любое количество частей. Особенно сложно, когда они нечетные. Нужно делить 360° на нечетное число, и соединять линии. Если я соединяю все соседние точки, у меня получается просто многоугольник. Но если соединяю через одну — через две, получаются более-менее остроконечные звезды. Если нечетное количество, то прежде чем эта линия вернется в ту точку, с которой начата ломаная, она должна... Короче, там закономерности уже какие-то. Звезды с любым количеством зубцов. А в пересечении линии образуются контуры треугольные, и эти треугольные контуры я закрашивал цветными карандашами. Я закрашивал их не просто так, а со смыслом. Или чтобы у меня треугольники, входящие в одну зону по расстоянию от центра, были выкрашены в один цвет. В другую зону — другой цвет. То есть, я придумываю систему, по которой треугольник окрашивается цветными карандашами. Я мог часами заниматься такими вещами. Это все потом сыграло свою роль, потому что первая курсовая работа, которой я обратил на себя внимание руководства нашего факультета и кафедры называлась «Районирование и качественный фон». Качественный фон — один из главных способов изображения в тематических географических картах. Контуры, которые равномерно закрашиваются, но со смыслом. Вот это вот стало первым, вот откуда идут корни. Хотя могу сказать, если раньше корни идут, — там и детская игра в раскраску разных контуров, и наконец классические диснеевские рисунки книги «Три поросенка», которые тоже, в основном, состоят из раскрашенных контуров. Таким образом, в своем художественном развитии, в изобразительном искусстве я остановился на уровне младенца. То есть я нахожусь в состоянии неотения. Вы знаете, что такое неотения?

Ю.С.: Нет, Борис Борисович.

Б.Р.: Нет? И мало кто знает. Неотения — это такое явление, когда организм всю жизнь живет в зачаточном, личиночном состоянии. Это бывает, конечно, не у млекопитающих, а у земноводных, у насекомых. Организм всю жизнь живет в виде личинки, а взрослым становится или перед смертью, или вообще никогда. Но в этом состоянии он размножается.

Ю.С.: А, вот это важно.

Б.Р.: Вот это неотения. К людям это никто не применял, но я могу к себе применить.

Я могу сказать, что я неотеник, то есть такой человек, у которого не было взрослого и зрелого возраста. Я всю жизнь перехожу от детства к старости. То есть элементы старости были еще и в детстве, какие-то черты поведения. Элементы детства сейчас, конечно, налицо тоже.

Более того, я отвергаю взрослое состояние. Эта взрослая маскулинность, солидность, это умение формально общаться с начальниками, с подчиненными... Нет у меня этого, я этого не умею. Все люди — или мои приятели, или они мне чужие совсем... Раскраска. Это, так сказать, предшественники моих картоидов. Что касается географических карт, то у нас их было немного, мы их купили в магазине в Омске, они сыграли тоже большую роль в моей жизни. Это была карта Омской области огромная, я гордился размером этой карты и размером области. Вторая — карта Соединенных Штатов Америки, политико-административная. Поэтому я, к сожалению, не знал рельефа, Скалистых гор — все это было мне чуждо. Но то, что было на карте написано (там много чего было написано), я выучил, конечно, наизусть. Я знал наизусть все штаты. Сейчас, может быть, не все, но тогда знал все. Более того, они были там разрайонированы, объединены в три большие группы. Эти группы, по-моему, американцы придумали. В общем, это называлось «ленинское районирование» Соединенных Штатов: индустриальный Север, бывший рабовладельческий Юг и колонизируемый Запад. Кроме того, они делились на девять или десять традиционных американских районов — Новая Англия и другие. То есть это было трехступенное районирование. Первая ступень — Соединенные Штаты в целом, вторая ступень — три больших макрорайона, третья ступень — эти вот районы, как Новая Англия. Четвертая — это сами штаты. В дальнейшем я только этим и занимался, таким многоступенчатым районированием. Я описывал разные формы районирования, по числу ступеней и по виду разных исключений. Это стало моей специальностью во взрослом состоянии и остается ею. Главная моя заслуга перед наукой не в том, что я как публицист что-то писал по охране природы, или о том, что с автомобиля надо на трамвай пересечь, не это же главное в моей жизни. А чистая наука, которой я занимался, — это теория районирования, которая является разновидностью теории классификации. То есть чисто формальные вещи, которые являются как бы продолжением математики. Вот это было во мне заложено. По приезде в Москву в октябре 1943 года я продолжал эти занятия у себя дома.

Учеба в московской школе № 273

Сейчас вернемся немного к школе. Итак, в 1943 году я поступил в 273-ю школу города Москвы, которая находилась на 1-й Мещанской, ныне Проспект мира. Наш дом находился между Колхозной площадью, бывшей Сухаревской, и Крестовской заставой, ныне площадь Рижского вокзала. А ровно между Рижским вокзалом и нашим домом на правой стороне улицы, в глубине, стояло здание этажей восьми, кирпичное, очень высокое по тем временам, где помещалась наша 273-я школа. Нам часто приходилось учиться на верхних этажах, на восьмом или девятом. Я часто смотрел на море лесов, которое простиралось у нас за окнами. Я мечтал и фантазировал о том, что к северо-востоку от нашей школы до самого Северного полюса нет ни одного города и ни одного многоэтажного здания.

Ю.С.: То есть лесов не строительных, а лесов природных?

Б.Р.: Да, конечно. Это были Сокольники, Яузский лесопарк, Лосиный остров, другие леса. Один Лосиный остров, по моим подсчетам, с примыкающими к нему массивами девятисто квадратных километров занимал. Потом, когда был постарше, изучал это все. Если мы проведем на северо-восток линию, она же пойдет... Дело в том, что в советское время, при Сталине, в областных центрах не строили многоэтажных домов. Во всем СССР исключением были, по-моему, «Харьковские дома госпромышленности», где действительно очень высокие здания были, этажей по двенадцать или десять. А больше нигде. Ни в Кирове, который раньше назывался Вяткой. Ни в Молотове, который раньше назывался Пермью.

Даже если бы моя линия туда попала на северо-восток (а она туда не попадет), не было бы таких домов, никогда. Первый многоэтажный дом в Московской области был в 1966 году построен в Орехово-Зуеве. Туда мальчишки со всего района сбегались, чтобы кататься в лифте, их никак не могли выгнать, потому что для них это было очень ново. В Петербурге по другим причинам. Может быть, отчасти потому, что там, на благо Петербурга, берегли его архитектурный облик. Тогда еще не было спальной периферии Ленинграда. Поэтому я так думал, что вот смотрю туда, и наша школа самая северо-восточная. А в километре от нас, между железнодорожными путями Ярославской дороги и Октябрьской, корова жила, кто-то корову держал. Травы было достаточно на обочинах железнодорожных. Наша школа... Да, это была школа мужская: началось раздельное обучение.

Для меня раздельное обучение было колоссальным ударом, я считаю себя жертвой раздельного обучения. Оно искалечило мою жизнь, потому что я со своей стеснительностью не мог заводить знакомства с девочками в какой-то неестественной обстановке на улице.

Я с ними знакомился в порядке повседневного сотрудничества в классе, и мне было легко и приятно учиться на глазах у девочек. Потому что при них не хотелось ударить в грязь лицом, и они меня вдохновляли, так же, как и сейчас. Никакой разницы. И тут вдруг на тебе! Как половину моей окружающей среды отрезали. Понимаешь, так нагло! Раздельное обучение могло пройти только в крупных городах, в областных центрах и столицах. В Москве это проделали. Школа стала в среднем вдвое дальше от дома каждого из учащихся, понятно. Но это не главное. Главное — психологическая атмосфера. Мальчишки — злые, грязные, готовые всегда меня ударить, всегда обругать. Я не могу сказать, что в школе меня били и что меня там обижали. Но все равно я там был как какой-то чудак, к которому иногда снисходительно относились, покровительственно. Я не могу сказать, чтобы там была дедовщина. Но элементы ее были, конечно: издевательство над более слабым. Но даже не это было главное — противно было смотреть на мальчиков. Они матерятся (тут уже мат был вовсю), грязные, они жуют жвачки, уже появились к тому времени жвачки в Москве. Что-то такое изо рта вынимают, плюются. Некоторые уже курят, но в уборной, я туда никогда не ходил. Это все, конечно, было тягостно. Начался такой более однообразный, мрачный период моей жизни. Хотя, собственно, не школы в этом заслуга, но школа может гордиться, что из нее вышли несколько знаменитых людей. На первом месте из тех, кто в ней учился, Владимир Высоцкий. Но он учился только в первом и втором классе, поэтому школа его не помнит. Он в то время учился, когда я. Вот сейчас там висит подобие... Школа уже ликвидирована, самодельное подобие мемориальной доски висит об этом. Остальные не упоминаются. Следующим по степени знаменитости был писатель Борис Носик, он прославился своей книгой «Альберт Швейцер» из серии ЖЗЛ. Он написал много книг, но то, что в советское время ему удалось такую замечательную книгу издать — «Альберт Швейцер», не без тренировок, — это сразу позволило ему на белом коне въехать в советскую литературу. И дальше он писал одну за другой разные книги, он и сейчас пишет, живет за границей. Этот самый будущий писатель как-то съехал с перил и меня сшиб, вот этим я его запомнил. Следующим был мой одноклассник Вадим Бованенко, первооткрыватель газовых месторождений Сибири. Наша страна своим благосостоянием обязана Вадиму Бованенко, моему однокласснику. Его именем названы улицы, месторождения, о нем можно почитать и в отраслевых энциклопедиях, и в Википедии. Был приятный, скромный юноша, мягкий, интеллигентный — вот такой знаменитый человек, который дал нашей стране благосостояние, за счет которого мы с вами сейчас живем, но который вряд ли получил от нее что-нибудь, кроме незначительной прибавки к зарплате. Я сейчас забыл, где он погиб, кажется, чем-то заразился в Пакистане. Во время командировки в Пакистан подхватил неизлечимую болезнь. И наконец, Владимир Ильин, известный математик, академик, ныне работающий в МГУ. Он 1929-го, а может быть, 1927 года рождения, но скорее 1929-го. Он не только учился в нашей школе, но еще и жил в нашем доме. Не могу сказать, что я его когда-либо видел, но слава о нем ходила уже в школе. Когда я учился в МГУ, он уже диссертацию защищал кандидатскую.

Ю.С.: Я хорошо знаю его дочь, мир тесен.

Б.Р.: Владимир Ильин жил в нашем доме, и наш дом им гордился, и наш двор, и наши соседи знали, что Владимир Ильин — золотой медалист и аспирант, все это было известно. Вот всё, я думаю, найдутся еще люди такого масштаба, но я их просто не знаю.

Дальше. Моей отрадой был еще немецкий язык. Дело в том, что я с немецким языком познакомился, как я уже говорил, до школы, то есть учебник у меня был еще до войны. Не знаю, тот это учебник или не тот, или предыдущее издание того, по которому я учился, но разницы там не было. Поэтому, во-первых, я до войны уже знал, правописание немецкое, что означают те или иные буквы, сочетания букв, как их произносить. Это я знал еще до десяти лет. Из учебника немецкого языка я помню первые фразы. Первая фраза: Anna und Marta baden (Анна и Марта купаются). Вторая фраза: Anna und Marta fahren nach Анапа (Анна и Марта едут в Анапу). Первая страница учебника. И меня сразу же полюбила учительница Марья Ивановна Смирнова. Это была очень интеллигентная, робкая женщина, возможно, что и несчастная. У нее не было семьи, она любила учеников. Она особенно любила меня, и особенно она обижалась, когда я ей что-нибудь говорил не то, а такие случаи бывали. Я мальчик был не то что грубый, но хамоватый. Я рос в недостаточно интеллигентной семье, где, как уже говорил, моя мама позволяла себе в адрес соседей разные прозвища хамские, и вообще: я жил в атмосфере мелкого хамства. Марья Ивановна Смирнова, конечно, была более интеллигентной. Но тем не менее считалось, что я лучший ученик по немецкому языку. Это меня самого удивляет, потому что я немецкий язык здорово с тех пор забыл, и сейчас, будучи в немецкоязычных странах, ничего не могу сейчас сказать. Мне это не помогает в смысле устной речи, но письменная — другое дело. Как ни странно, мой дружок Костя Шилик, с которым я сидел за одной партой и который в настоящее время живет в Гамбурге — он туда эмигрировал, по еврейской линии, потому что у него жена еврейка, — говорит, что мне многим обязан тем, что сейчас, на восьмом десятке сносно научился говорить по-немецки. Что он мне этим обязан! Это настолько замечательно! Одна из моих теток работала в Воркуте в качестве вольнонаемного инженера. Неплохо там устроилась: и любовник у нее был из заключенных, и питание хорошее. Когда Марья Ивановна узнала, что у меня тетка в Воркуте работает, она очень осторожно и робко попросила меня узнать, нет ли там одного товарища, назвала его фамилию: Бёме Эммерих Александрович. Моя тетка, конечно, сказала, что такого она не знает. Так что можно думать, что робкая Марья Ивановна Смирнова косвенно как-то причастна к репрессиям, видимо, она пострадала. Каково было ее прошлое, мы не знаем. Об остальных учителях расскажу позже, когда дело дойдет до старших классов. Там есть что сказать.

Так. Что прибавилось у меня дома? Дома я по приезде обнаружил, что среди нашей мебели, которая пережила войну и которой не топили печку-буржуйку... Возможно, печку-буржуйку топили книгами. Печки-буржуйки уже не было, печка-буржуйка знаешь что такое — с трубой через стекло. Отец пережил войну, вернее, первую часть войны с этой печкой. И он говорил всегда, что был дистрофик, не доедал, возможно, это способствовало ранней смерти в семьдесят лет. Отец у меня 1887 года рождения. Ему было пятьдесят шесть, когда мы вернулись. И вот добавился к нашей мебели так называемый американский шкаф. Юра, он у вас за спиной, если у вас вертится шея, посмотрите, вот он.

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Чем отличался? Эти полки поднимаются и вставляются туда.

Ю.С.: У меня на даче такой же.

Чтение советских энциклопедий и «Всеобщей истории»

Б.Р.: У вас он уже на даче, сослан туда, и скоро будет дровами, а у меня он один. И он был уже не пустой. Он был частично, а сейчас почти полностью заполнен энциклопедиями. Вы можете сейчас видеть (я вам предлагаю еще раз напрячься, повернуть шею): здесь Большая советская энциклопедия, первое издание в красных переплетах, главный редактор Отто Юльевич Шмидт. Первое издание Малой советской энциклопедии — это не что иное, как краткое извлечение из Большой. Потом Словарь Ушакова

орфографический, очень важно. Большая советская энциклопедия издавалась с 1927-го по 1946 год, и понятно, что уже репрессировали половину авторов, много раз менялось это все. У меня на полке, которая сейчас не застекленная, а фанерная, есть Литературная энциклопедия. В ней всего вышло одиннадцать томов, они все у меня есть. Все это я читал, все читал. Это не значит, что я читал все подряд, я, естественно, плавал от одной статьи к другой, через ссылки. Я мало читал мировой литературы, но зато Литературную энциклопедию почти всю прочитал. Только не подряд, не от «А» до «Я». Я блуждал по ней. Там, конечно, довлела марксистская точка зрения. Например, «Дон Жуан» был результат разложения дворянства. Там было крупное дворянство, мелкое... Гоголь, конечно, — певец мелкопоместного дворянства. Мелкопоместное дворянство в оппозиции к крупнопоместному, этим объясняется все творчество Гоголя и так далее. Все это понятно, но тем не менее это же винегрет. И этих потом репрессировали, которые это все писали. Интересно, что эта энциклопедия, один том в ней все-таки не был написан. Они споткнулись: неясно было, что писать о Сталине. Как только дошли до слова «стансы»... А нет, «стансы» — это уже одиннадцатый том. Видимо, девятый том споткнулся на букве «С», окончанием буквы «С».

” А дальше уже том, который должен начинаться со статьи «Сталин Иосиф Виссарионович». Никто не может этот том издать, никто, потому что все боятся, не знают, что писать, как писать. Тогда было принято мудрое решение: перейти сразу к одиннадцатому тому, а десятый не издавать.

Десятый том отложили и, одиннадцатый том начинается со слова «стансы», оканчивается словом «Фортегуерри». Дальше должен быть завершающий двенадцатый том — от чего-то на «Ф» до «Я», но этот том тоже не вышел, всех разогнали к тому времени. Так что двух томов нету, их не было в природе. И ты можешь, Юра, конечно, догадаться, что мне хватало этого, чтобы заполнить все мое свободное время. Я на улицу выходил мало, не гулял во дворе, с ребятами во дворе не играл. Мама меня всячески выставляла во двор, чтоб я там поиграл с ребятами. Не было у меня никаких друзей вне школы. В школе у меня, как правило, был один какой-нибудь приятель. Но в пятом и шестом классе я не помню, чтобы у меня был приятель, который был мне близок. В старших классах были такие. И в третьем классе, во время эвакуации, были, а в первом и втором тоже не было. Так что я был одинок. И конечно, никаких девочек. Книги были моей отрадой. Да, и наконец... Это не наконец, но еще одна книга колоссальную роль сыграла в моей жизни: это Оскар Йегер «Всеобщая история» в четырех томах. Я не знаю, известно ли вам это имя, Оскар Йегер? Нет, наверное. И действительно, в советское время оно никому не было известно. Но недавно я посмотрел в Интернете и увидел, что он недавно переиздан у нас и продается, конечно, за очень большие деньги. Не знаю, как он переиздан, я бы его переиздавал только факсимильно. Потому что один текст — это только половина, там были замечательные иллюстрации, великолепные! Это четырехтомная всеобщая история немецкого профессора, который, конечно, от России был далек. Того, что он писал о России, там не было. Она была дополнена главами, написанными для россиян на русском языке, издана, кажется, в 1911 году на мелованной бумаге. И российская часть тоже была прекрасна, адекватно представлена. Замечательные гравюры, замечательные цветные рисунки с позолотой, с участием золотой и серебряной краски, которые были прикрыты папиросной бумагой. Вам знакомо это? Какие замечательные картинки! Все эти картинки я запомнил. Эти средневековые замки, и гербы... конечно, я читал и тексты, я читал много текстов, но сказать, что прочитал все... Это невозможно. Но какие картинки: восстановленный Форум римский... То есть так, как он воображаемым образом восстановлен архитекторами. Обязательно идут линии с надписями. Сейчас я редко встречаю такие картинки, в которых были бы надписи. А там все это написано, никакая деталь архитектуры, никакое здание не осталось без пояснения: где пропилены, где что. Восстановленный Форум, восстановленный Акрополь, Галикарнасский мавзолей, как он должен был выглядеть, египетские пирамиды... Это черно-белые чертежи. Потом чудесные фотографии, рисунки художников. Венский конгресс — еще тогда, наверное, не было фотографий, значит, это рисунок

художника: стоят все эти главы государств, монархи, везде написаны фамилии, где кто. И другие всякие конгрессы. Потом, когда уж появились фотографии тем более. Наши все дипломаты, князь Горчаков... Конечно, и российская история тоже подана как положено, в монархическом духе: Смутное время, Иван Сусанин — все это есть. И трагедия в Боголюбове, к востоку от Владимира, там что-то такое тоже произошло. Все это прекрасно. И все эти прекрасные картины: унижения в Каноссе, там написано: «Царь умоляет аббата и извиняется перед Матильдой» — стоит на коленях император перед папой. Или, например, текст на готском языке — единственный письменный памятник готского языка, написанный алфавитом, который епископ Ульфила придумал для готского языка. Я запомнил первую фразу «Отче наш» на готском языке (*цитирует*). Немного на немецкий похоже. Вот этим я питался. Потом у нас появилась книга Грабарь «История искусств», еще что-то, дальше в мою жизнь вошла архитектура, архитектурой я страшно интересовался. Появились в моем альбоме, который я могу показать, рисунки зданий, составленные из классических ордеров. Дорические, ионические, коринфские колонны вместе с антаблементом, все это было мной изучено, и из них можно было составлять готовые здания, чертежи. Я тогда этим тоже немного занимался. Нарисовал не больше трех таких зданий, остальные у меня были в воображении, потому что и так мне все было ясно. Потом, трансляция радио играла большую роль в нашей жизни. Не в этом году, не в 1943-м, но три или два года спустя появилась знаменитая радиопередача «Клуб знаменитых капитанов». Юра, ты помнишь это? Много лет мы с мамой это с восторгом слушали. А для моей мамы радио было университетом. Она знала всех артистов, всех дикторов, она все знала, но их никогда не видела. Никогда в нашей семье при жизни моей мамы, которая умерла в 1983 году, не было телевизора. Так что она никогда не видела своих любимых артистов, не представляла, как они выглядят. Меня артисты мало интересовали, но были любимые радиопередачи.

Пятый класс школы мне тоже мало что дал в смысле образования, я школу пытался пропускать, по-прежнему с записочками «живот болел», «голова болела». Ничего не мог придумать более яркого. Отец где-то достал, принес довоенные самоучители иностранных языков по методу Туссэна и Лангеншейдта. Это были папки, в которых были сложены тетради, они даже не были переплетены, специально было так сделано. Метод был такой: человек берет текст и сразу начинает его читать. Начинает читать, потому что есть подстрочник. Таким образом он усваивает. Никакой грамматики, ничего. Ну и там какие-то настоящие литературные тексты, написанные писателями, неадаптированные. Мало ли какие есть методы изучения иностранного языка. Каждый автор считает, что его метод лучше. Ну вот, так прошла зима. Наступило лето, начался новый этап моих, так сказать, географических открытий. Я стал изучать Москву. Первое лето, когда я стал систематически объезжать Москву. Для меня это было географическое...

Ю.С.: 1944-й?

Систематическое изучение Москвы

Б.Р.: Да, лето 1944 года. Объезд Москвы на трамвае. Я проехал по всем трамвайным маршрутам. Потом я их наносил на план города, а с этим обстояло дело плохо. Один-единственный жалкий план Москвы, но очень драгоценный для меня, я и сейчас в него заглядываю, сохранился в Малой энциклопедии. В Большой энциклопедии тома на букву «М» у меня не было. А в Малой сохранился, я там карандашом точечками наносил... Я, конечно, очень сожалею, что хорошенько не запомнил, как выглядел район, в котором сейчас живу. Я его проезжал на трамвае, но он не привлек моего внимания. Я же не предполагал, что буду там жить. Тут была деревня, Коптевские выселки, но трамвай уже ходил. Я уже был в том возрасте, шел уже тринадцатый год, меня отпускали. А были линии очень дальние, которые выходили за пределы Москвы. Например, Нагатинская линия. И потом еще, которая идет на северо-восток, к северу от нынешнего метро «Щелковская», кажется, «Метрогородок» или как-то еще. Обе эти линии были однопутные с разъездами, остальные двухпутные. Увлечение старой Москвой было. У меня появились кое-какие книги. «Прошлое Москвы в названиях улиц», еще какие-то книги, в которых были фотографии дореволюционной Москвы, до 1917 года. Это все тоже очень изучал тщательно. Наконец, среди знакомых моего отца сохранился его бывший тесть. У моего отца моя мама была третьей женой. А первой женой была некая Наденька, родившаяся уже в XX веке, в начале его, и, по-видимому, безвременно умершая,

потому что с ней он венчался в церкви уже в советское время. Видимо, не позже 1919 года. Ее папа был настоящий замоскворецкий купец и жил он действительно в Замоскворечье. Когда мой отец водил меня к нему в гости году в 1944-м, он жил уже... Ему было уже лет семьдесят, и жил он тоже в Замоскворечье, но уже не в том, классическом, гораздо дальше. Там сейчас то ли Донская застава, то ли Донской монастырь. Это метро «Тульская», недалеко. Он жил в деревянном доме и строил себе дачу. Меня очень удивляло, что человек семидесяти лет строит дачу: зачем она ему? Я очень удивлялся, но он ее все-таки построил, после этого умер. И вот почему я его вспоминаю: он мне показывал много старых фотографий, открыток, я уже увлекался стариной, историей Москвы. Систематически увлекался. Особенно, конечно, меня увлекала зональность Москвы: Китай-город, Кремль, Белый город внутри Бульварного кольца, Земляной город внутри Садового кольца, Камер-Коллежский вал, то есть сеть застав. Все было мной изучено, все это я видел в натуре, изображал на бумаге. И это пригодилось мне в дальнейшем. Когда я водил экскурсии иностранцев по Москве, я прежде всего им это втолковывал: зональность Москвы, как она шла кольцами.

Работа отца и поездка в Шатуру

Ну вот наступает лето. Где же мой отец работал? Он был профессиональный актер, но больше в годы войны как чтец подвизался. Он потерял один глаз в 1938 году и уже он не годился для сцены. По-моему, если не ошибаюсь, он одно время даже замещал кого-то в качестве диктора Центрального радио. Но это было временное явление. Они ездили на гастроли, в основном по госпиталям.

” Он мне рассказывал трогательную картину, может быть, я в прошлый раз уже говорил: когда они выступали в госпиталях, где лежали люди с ампутированными конечностями, то они объединялись, чтобы ему аплодировать. У кого сохранилась одна рука, у другого другая рука, и они их объединяли и таким образом хлопали артистам.

Это самое трогательное из его воспоминаний. К моменту нашего возвращения из эвакуации мой отец уже перестал работать в качестве профессионального актера, хотя кое-где выступал в качестве чтеца. И поступил на государственную службу в качестве инструктора по культработе при профсоюзе Министерства работников электростанций... При профсоюзе работников Министерства или Народного комиссариата электростанций. Наша жизнь отныне была связана с добычей торфа. Это был профсоюз, в котором мой отец работал в качестве инструктора. Его работа состояла в том, чтобы организовывать кружки художественной самодеятельности, а также писать, конечно, отчеты о том, как продвигается культура... В его распоряжении была центральная библиотека ВЦСПС, которая находилась не где-нибудь, а на третьем этаже Колонного зала Дома Союзов. В этой библиотеке я одно время бывал по его читательскому билету. Это была роскошная библиотека, в которой практически не было читателей. Там были замечательные книги, там было очень хорошо. Роскошная библиотека, я одно время ею пользовался. Но уже потом, когда поступал в вуз. Отныне он [отец] был связан с торфоразработками. Центром целого мира торфоразработок у нас был город Шатура. И выяснилась такая перспектива: летом меня везут в пионерский лагерь около города Шатуры. Юра, представляете себе, что такое Шатура? Нет? Сейчас она известна только тем, что там «Шатура-мебель». Город Шатура был построен из поселка рабочего, название мордовское, от слова «шат» — болото, кажется. Или «ур» — болото, не важно. Поселок был построен немецкими инженерами в конце 1920-х годов. Там были прекрасные кирпичные дома с квартирами для служащих. Расположен он на восточном берегу Святого озера. От Москвы сто с чем-то километров, в те годы туда пригородные поезда не ходили, слишком далеко. Московская область еще не была охвачена пригородными поездами, как сейчас. До Истры ходили пригородные поезда, до Звенигорода через Голицыно, а там, возможно, что до Куровской, но не далее. Чтобы доехать до Шатуры без пересадки, надо было ехать поездом дальнего следования. Это мог быть поезд, идущий

в Сибирь и черт знает куда. Но для того чтобы в военное время ехать на поезде дальнего следования, надо было получить пропуск в милиции. А для того, чтобы это обойти, надо было ехать иначе. Вот так мы и ехали. А именно: на пригородном поезде три часа до города Егорьевска, а дальше четыре часа по узкоколейке Шатурской ГЭС. Итого мы семь часов добирались до Шатуры, хотя на поезде дальнего следования могли бы за четыре с половиной часа доехать. И сейчас на электричке за два с половиной часа можно доехать. Излишне говорить, что железная дорога в том направлении не была электрифицирована. И вот мы на поезде пригородном едем до Егорьевска. Светлые вагоны, с одной стороны два места на деревянной скамейке, с другой — три. Не три и три, как на электричках, а два и три. Вагоны были немного уже. Но уже, видимо, четырехосные, и вел их паровоз. Поезд не очень набит, дело было в июне 1944 года, и едет какая-то группа с музыкальными инструментами. Мне отец сказал, что это артисты едут на гастроли. Среди них — Лидия Андреевна Русланова, он мне ее показал. Лидию Андреевну Русланову очень любили во время войны. Но потом с ней что-то случилось, говорят, она вместе со своим возлюбленным маршалом, забыл его фамилию, слишком много хапнула трофейного добра, которое текло из Германии, что они якобы целый поезд заказали. Пришлось ей побывать в заключении. И там она, в общем-то, жила вроде неплохо, ее там любили. А так мы часто в кино видели ее выступления. Ну вот, я ее видел живьем, но сейчас уже не помню, как она выглядит.

Дальше началось самое интересное: четыре часа по узкоколейке. Расстояние-то небольшое, километров сорок. Но узкоколейка идет медленно... Это целая сеть узкоколейных железных дорог, которая простиралась на западе от Орехово-Зуево или от Ногинска и уходила на восток во Владимирскую область. Сейчас поселок там Уршель, а также Гусь-Хрустальный. И всю эту огромную территорию, которая по площади равна острову Корсика, то есть восемь тысяч квадратных километров, обслуживала одна сеть узкоколейных железных дорог, ширина колеи вдвое меньше нормальной — 75 сантиметров. Вагоны очень просторные, шириной до двух метров. И там тоже были диваны, по два: два слева, два справа. Хорошие вагоны нашего производства, Коломенского завода паровозы. А с 1957 года уже были импортные вагоны-паровозы, сделанные в Венгрии [на самом деле — в Польше] на предприятии «Пафаваг». Еще в 1970-х годах эта железнодорожная сеть процветала, сейчас от нее ничего не осталось. Многие хотят сейчас сохранить хоть что-то в качестве памятника истории культуры, но все растащили, все, безжалостно. Но есть музеи таких узкоколеек около Переславля-Залесского, я там был в прошлом году, даже катался на дрезине. Но мало что осталось. На дрезине можно было проехать всю восточную часть Московской области. Вот мы едем, там и мягкие вагоны есть, и посередине поселок, называется Вождь Пролетариата — одно из имен Ленина.

Мы знаем, что Владимир Ильич Ленин имел много имен, и каждое из имен имело самостоятельное значение для топонимии.

Ильич — это одно, Владимир Ильич — это другое, Ленин — это третье, Ульянов — четвертое, Ульянов-Ленин — пятое, Вождь Пролетариата — шестое. И каждый поселок, город мог называться одним из этих имен Ильича. И вот Вождь Пролетариата. Там остановка на обед, час стоит поезд, мы обедаем в столовой. Каким образом мы обедали? Дело в том, что при малейшей поездке выдавали рейсовые карточки — это такие карточки, которые можно было отоваривать в столовой. Я помню, что мы ели даже не там, а в Шатуре. Нам подавали что-то типа рисовой каши, и в ней лежал колбасный фарш импортный, который мы получали от американцев. Но об этом, что мы ели во время войны, во что одевались, я скажу отдельно, если успею. Потому что люди об этом совершенно не помнят. Ну вот, мы ели колбасный фарш из консервной банки, рис или вермишель. Суп, может быть, тоже, картофельный. Пообедали и едем дальше. И вот прибываем в город Шатура. Город мне очень понравился, много зелени, много сосен, воробьи летают между соснами, прекрасные кирпичные дома, построенные немцами в конце 1920-х годов, мощное здание электростанции с трубами. Ну и железнодорожная станция, которая, кажется, называлась Святое озеро.

Пионерский лагерь под Шатурой

Там еще нормальной колеи вокзал, и мы идем к сборному пункту, к какой-то школе. Нас сажают в грузовики, и мы едем под открытым небом. Это дети из Шатуры. Я был в лагере единственным москвичом, единственным. Никогда до меня в этом пионерском лагере не видели живого москвича, поэтому я был достопримечательностью. Каждый ребенок, проходя мимо меня, кричал мне то ли обвинительно, то ли уважительно: «Москвич!» Все собирались вокруг меня, тыкали в меня пальцами, кричали: «Москвичка в жопе тычка!» *(Смеется.)* И так далее. Я не скажу, чтобы ребята меня обижали, но нечто уничижительное было в их выкриках. Отец меня сдал на руки руководству лагеря, с которым он был в приятельских отношениях. По-моему, даже договорился какой-то свой концерт там устроить или чтения. Пионерлагерь на меня произвел хорошее впечатление, мое отношение к нему амбивалентное. С одной стороны, я чувствовал себя уже чуть ли не заключенным, потому что, как вы знаете, я очень не люблю ни коллективы, ни дисциплину. Но с другой стороны, я не мог не полюбить этих ребят и вообще всю эту обстановку, которая была очень хорошей даже по нынешним временам. Поэтому амбивалентность так на всю жизнь и сохранилась. Это был, конечно, яркий период в моей жизни, он длился недолго, несколько недель.

Ю.С.: А чем обстановка нравилась?

Б.Р.: Это была республика, управляемая самими детьми. Мы практически не контактировали со взрослыми. Это было замечательно. Это то, что было заложено в основу скаутского движения, что было заложено в основу пионерского движения. Сейчас уже следа от этого не осталось. Сейчас детьми командуют взрослые люди, у которых свои интересы. Они не понимают детей, а дети не понимают их. Там же этого не было: нами командовали пионервожатые, даже помощницы пионервожатых. То есть нами, мальчиками двенадцати-тринадцати лет, командовали девочки пятнадцати-шестнадцати лет, помощники пионервожатых. И только старшая пионервожатая была взрослой дамой. Я пионервожатых-юношей не помню. Может быть, они там и были. Девушки-пионервожатые восемнадцати-девятнадцати лет. Лагерь представлял собой довольно чистое барачное здание. Это был длинный барак с длинным коридором, одноэтажным, на торцах были застекленные спальни. Ты можешь себе представить застекленные спальни на торцах? Посередине коридора по бокам — обычные комнаты, на торце каждой — одно окно. А тут, понимаешь, застекленные.

Ю.С.: А в лагере девочки и мальчики?

Б.Р.: Да, конечно, вместе, ну а как же. Многие себе не представляют, как люди жили во время войны. 1944 год еще, решающий год войны. Значит, длинный коридор. На северном конце спальня застекленная, там живет элита мальчиков — первое звено первого отряда. Все очень просто: первый отряд — мальчики, второй отряд — девочки. Первое звено первого отряда — старшие мальчики, двенадцать-тринадцать-четырнадцать лет, старше не берут в пионерлагерь. Первое звено второго отряда — девочки — элита по возрасту и социальному положению: девочки двенадцати-тринадцати лет. Остальные — так называемая мелюзга. Этих никто всерьез не считал, и они знали свое место. Была такая иерархия, они нас уважали. Во главе этой иерархии стоял Толя Трутко, председатель совета дружины — потому что все объединение пионерлагеря называется дружиной. У него совет, состоящий из пионервожатых и старших пионеров. И вот, по сути, всем этим детским коллективом управлял прирожденный советский работник номенклатурный Толя Трутко, который в возрасте двенадцати с половиной лет уже обладал всеми несомненными чертами советского руководителя. Я бы это сказал даже в положительном смысле. Он был сын первого секретаря райкома шатурского, то есть он был наследный принц. Я бы сказал, что начальство лагеря было с ним на равных. Может, оно ему даже и подчинялось в чем-то. Дружеская атмосфера была, и там не было дедовщины, было покровительство. Толя Трутко всем распоряжался. Там были дети, нуждающиеся в покровительстве в разном смысле. Я нуждался в том, чтобы меня не обижали как москвича. Поэтому Толя Трутко, естественно, запретил меня дразнить, и ко мне относились хорошо. Там были дети, которые побирались, нищими были, у которых обуви не было, ходили босиком. Мы помогали как могли. Так сказать, общественная обязанность этих элитных пионеров была о них заботиться. Санитарно-гигиенические условия были той эпохи. Там был нужник во дворе,

это уж такое время было. Вечером мы все мыли ноги в тазах. Тазы мы ставили... Ну, может, быть и вы, Юра, это помните? Приходили вечером, кто босиком бегал, кто в обуви — все равно ноги грязные. Чтобы носки носили — это вряд ли. На ногах были какие-то сандалии, кедр тогда не было. В общем, все становились в эти тазы, иногда выпихивая друг друга из них. Полоскали ноги, скажем так. Вот спальня, где я живу: моя кровать сразу у входа, потому что по иерархии я все-таки был последний. Толи Трутко кровать в красном углу, понятно: вперед и налево. В углу, между стеклами, дальше, более приближенные дети: Толя Райков и другие. Был у нас и свой хулиган, которого, однако, они держали в узде. То есть он матерился, говорил разные гадости, но тем не менее подчинялся общему руководству, никаких эксцессов с его стороны не было. Он был натуральный хулиган. Такие, как Толя Трутко и некоторые из его свиты, никогда не матерились. Они вели себя культурно.

Дальше. Аналогичная атмосфера была и у девочек. И вот чем же занимались... Барак стоял посреди поля, но рядом был лес. Причем песок был настолько белый, что можно было вообразить, что это не песок, а снег. Очень белый, но это был не мел, не меловой песок. Это был силикатный песок, но очень светлый. Прекрасный сосновый лес. Это к западу, к востоку — Святое озеро, пляж для купания, а за ним Шатурская ГЭС со своими трубами. К северу узкоколейка, к югу — железная дорога нормальной колеи. Чем же там занимались, в этом пионерлагере? Мое впечатление было такое: там занимались любовью. Все без исключения занимались только любовью. У меня такое впечатление. Влюблялись, писали записочки, назначали свидания. Это делали все поколения, каждое по-своему. Начнем сверху. Самый верхний этаж — это взрослые. Взрослых было мало: начальник лагеря, повариха, военрук и старшая пионервожатая. Я не сомневаюсь, что те двое мужчин, максимум двое... один из них точно был ранен, с фронта. Другой тоже, потому что просто так здоровых мужчин не было в тылу, за исключением, может быть, секретаря райкома, отца Толи Трутко. У них там были какие-то женщины, конечно. Какие-то женщины были любовницами этого военрука, или начальника лагеря. Это верхний этаж. Следующий этаж — это мы... Нет, следующие — это пионервожатые, их личной жизни мы не знаем, может быть, там был хоть какой-то юноша или кто-то среди них. Пионервожатые и их помощницы, от шестнадцати до девятнадцати. И третий этаж сверху — это мы, двенадцати-тринадцатилетние мальчики и девочки. Вот как развлекались: ночью, как только отбой провозглашался в десять вечера, начиналась общественная жизнь, никто не спал. По крайней мере, из наших. Начиналось буйство сплошное.

” Девочки врываются в нашу спальню, стаскивали с нас одеяла. И там была одна девочка, Лариса Самсонова, которая с меня стащила одеяло одиннадцать раз за одну ночь.

То есть буйные девчонки с криками и воплями, изображая дикарей, — а расстояние было большое, ведь длинный коридор, как бы два полюса, — метров сто они пробежали с воем, врываются в нашу спальню, с кого попало стаскивали одеяла и бежали назад. С меня стаскивали одеяло не потому, что я привлекал внимание, а потому, что я с краю лежал. До Толи Трутко они же не доберутся, он в углу лежит. Ну я и влюбился в эту Ларису Самсонову, которая с меня одеяло больше всех стаскивала. Я в коридорных забавах участия не принимал по робости. А кончалось это тем, что мальчики и девочки брали свои матрасы с подушками и с ними отправлялись спать в коридор. Они стелили эти матрасы в коридор и в течение первой половины ночи, пока сон не свалит, сползались. Сползались, понимаешь, навстречу друг другу со своими матрасами. А тут прибегает пионервожатая их разделять. Она сама умирала со смеху, а они ей давали честное слово, что дальше не подвинутся. Они говорили: «Мы вот здесь будем лежать». А она им: «Ну хорошо, хорошо, мальчики, только ради бога, не подводите меня!» — «Да, мы понимаем, Рита!» В общем, что-то такое. Рита передавала любовные записки, самой Рите было лет девятнадцать. Помощница у нее тоже была Рита, помоложе, поэтому этот наш парень, хулиган, — я сейчас забыл его фамилию, но у меня в дневнике записано, — сочинил такую частушку: «Как у нашего сарая, у нашего озера, не скажу, какая Рита, жопу отморозила». Тут был намек, наверное, и на позу, что она лежит, видимо, на спине, не одна, возможно, кто-то сверху лежит на ней. Видимо, это парень имел в виду, когда сочинял. Конечно, нашим пионервожатым эти частушки были известны. В общем,

мы практически не видели взрослых, как-то все так улаживали. Ну а я, как человек робкий, только лежал в своей кроватке, и, видимо, мечтал, чтобы Лариса в двенадцатый раз прибежала, сдернула одеяло. Тем не менее Лариса, другие девочки, они уже лежали там... Потом как-то мальчики ночью ворвались в спальню к девочкам. Тоже эти элитные верхние звенья. И там под знамя спрятались, потом бежала пионервожатая, знамя это рухнуло. Вот так они флиртовали. А потом, после нескольких часов этого шабаша, я вышел, мне нужно в уборную сходить, прежде чем попытаться уснуть. Я выхожу, они сидят при луне, наши пионеры двенадцати-тринадцати лет, хорошо одетые, в ботиночках высоких со шнурками, в платьях розовых (девочки штаны тогда не носили). В общем, сидят при луне, все так чинно, гуляют. И, конечно, нижний этаж любви — это малыши, мелюзга, которые тоже из себя что-то изображали, но мы их презирали. Вот Толя Трутко, кем он потом стал? Он стал директором института полупроводников. Окончил МЭИ, Московский энергетический институт, был там, конечно же, секретарем комсомольской организации института. Потом возглавил одну из очень важных, актуальных отраслей, полупроводники, и сейчас это предприятие называется «Пульсар». Сведений о том, что Толя Трутко умер, нет. По-видимому, он жив, по-видимому, ближе к руководству. Очень приятный мальчик белорусского происхождения, белокурый — в общем, он был, можно сказать, идеалом настоящего пионера. То есть если взять то, что писали Аркадий Гайдар, другие, вся эта литература, — перед моими глазами был такой. Ко мне он относился очень хорошо, я находился под его покровительством. Он всегда меня спрашивал, как я себя чувствую, не обижает ли меня кто-нибудь, все это пресекал. В разгаре этого дела я влюбился в Ларису Самсонову. Эта девочка, конечно, казалась мне бесконечно красивой, это такая первая любовь, влюбленность. В предыдущем году я клеился к Люде в эвакуации, то это была даже не любовь, а просто половое влечение в голом виде, а здесь это было настоящей романтической любовью. Мыслей о сексе непосредственно не было, это была типичная любовь. Я через некоторое время написал записочку Ларисе: «Моя дорогая, я люблю тебя безумно, не могу уснуть, а когда засыпаю, то вижу тебя во сне». Замечательный текст. Этот текст я передал мальчику семи лет. Он, готовый к услужению, немедленно помчался на противоположный конец поляны, где девочки сидели под деревьями. Я видел издали, как он вручил ей эту записку, как они все сгрудились, как рыбки на брошенный кусок хлеба, и некоторое время они эту записку изучали. Потом отодвинулись. Что было после этого? Все было очень чин-чинно, хорошо. Это стало достоянием, конечно, не всего лагеря, только элиты. Этим двум звеньям стало известно. Никто ничего мне об этом не говорил, но все смотрели на меня с некоторым интересом. Потом устраивались посиделки: мы сидели на крыльце, на перилах, болтали ногами. И как-то старались, чтобы я сидел поближе к Ларисе, чтобы я мог ее видеть. И мы украдкой друг на друга смотрели. И все были довольны, за исключением одной девочки, которая почему-то... Я на нее, естественно, не обращал раньше никакого внимания, она не была красивой, конечно. Почему-то, проходя мимо меня, она ни с того ни с сего вдруг отвесила мне пощечину. Так это для меня осталось загадкой, что она хотела этим сказать. Можно только гадать. Вот, собственно говоря, все, мне оставалось только любоваться Ларисой, там же были концерты, самодеятельность. В танцах я не участвовал, а концерты, конечно, смотрел с удовольствием. У меня есть групповая фотография, есть на что посмотреть. Девочка как девочка, белокурая, высокая, стройная, все как надо. У нас были интересные походы утилитарного характера: нас посылали собирать ягоды. Ягоды мы сдавали, из них варили всем кисель или компот. Всем хватало. Болота были чудовищно богаты ягодами: черника, голубика. Я собирал плохо и нормы не выполнял, но ребята, видя это, обязательно мне отсыпали, чтобы норма у меня была. Еще по дороге были купания, там было место, где узкоколейка пересекала реку, вытекающую из Святого озера (не столько река, сколько канал). Там купались, причем тогда еще малыши купались лет до двенадцати нагишом. По-моему, я свою возлюбленную тоже видел в голом виде, потому что она девчонка как девчонка, двенадцать лет. Сейчас это немыслимо, но тогда это было в порядке вещей, у детей никаких купальников не было, они считались детьми. Как сейчас помню, и она прекрасно плавала, а я же плавать не умею... В общем, мне оставалось только ею любоваться и восхищаться... Потом у нас были военные игры. Военные игры всегда были в те годы, меня они интересовали с одной стороны.

Меня не интересовала война как таковая, и я, конечно, ненавижу войну. Меня интересовали церемониальные стороны войны, а именно: плен, капитуляция, парламентарии.

Вот что меня больше всего интересовало. Это то, чего так мало было в настоящих войнах, которые вела наша страна. А в старину этого было много. Возьмем войну с Наполеоном, там галантности было достаточно, судя по кинофильмам и спектаклям, которые мы смотрим. В общем, сейчас, если посмотреть, какой была война 1812 года, это сплошная оперетта, как мы знаем по «Гусарской балладе». Ну даже по роману Толстого «Война и мир». Меня такая война устраивала. А когда воевали мальчики с девочками, моя мечта, конечно, была сдать в плен девочкам. Так что ни в каких боевых действиях я не участвовал. И вот однажды мы... А там был еще развалившийся деревянный дом, и, оказывается, этот дом раньше принадлежал попу. Церковь давно снесли, возможно, она была деревянная, а дом остался. И мы залезли на чердак этого дома, там лежали старые газеты. Там я обнаружил газету 1912-го года, и ее клочок долго в моем архиве лежал. Сейчас я не знаю, как его найти, мой архив очень велик, большей частью под моей двуспальной кроватью находится. Я не знаю, как найти. И там я прочитал: 1912-й год, меню комплексного обеда ресторана «Прага», дневной комплексный, обед, по-нынешнему бизнес-ланч. Слова «комплексный обед» тогда не было, «бизнес» не было, «ланч» не было. Но это был обед дневной, стандартный, на всю жизнь моя детская душа была поражена этим меню. На первое — суп-крем Руанский, на второе — консоме Тамбаль, на третье — лососина Жуанвиль, четвертое — груша Дюшес. Цена: 1 рубль. Мне представлялся этот старый рубль серебряный, у меня дома они есть и сейчас в моей коллекции.

Ну вот, всего три недели этой жизни. Да, кажется, там я совершил все-таки один хулиганский поступок, или это было на следующий год? Когда я загнал шахматную пешку в пионерский горн, и этот горн не мог затрубить, потому что там была мною загнанная пешка. И как я выкрутился из этого положения. Все кричали: «Москвичу наряд! Москвич будет мыть нужник!» — и так далее. Больше ничего особенного со мной не было. Отец приезжал вместе с другими родителями или один, разговаривал с руководством. А главным отчетным результатом лагеря, я ведь отчеты держал в своих руках, и некоторые тетради, которые у меня дома лежат, — не что иное, как с вырванными страницами эти же отчеты пионерских лагерей. Главным показателем был суммарный привес пионеров за сезон, за три недели. А я эти показатели нарушал, я не поправлялся. Ну и нельзя сказать, чтобы я худел. Ну что мы там ели: пшеничную кашу, сливочное масло давали. И вот встал вопрос: останусь ли я дальше? У меня была полная возможность остаться еще на два сезона: первый сезон начинается в начале июня, последний кончается в конце августа. Между ними пересменка, как и сейчас, когда лагерь убирают. И я, конечно, не остался. Я колебался, но пришел к выводу: мне жалко было расставаться с этими людьми, жалко было, что я, возможно, никогда уже и Ларису не увижу. В то же время я отказался. А ведь это был удар по моим родителям, представьте себе, еще меня кормить, лишних шесть недель. Это же вечная головоломка, чем меня кормить во время войны. Это было нехорошо с моей стороны, если учесть, что там не так уж и плохо было. Меня ж там никто не обижал, там была любовь у меня. И, видимо, мое упрямство, вот эта моя идеология свободы перевесила. Хотя трудно сказать, какая там свобода нарушалась. Я же там был под покровительством Толи Трутко, этих прекрасных мальчиков. Ну, и меня отец увез. И вот отец меня ведет по городу Шатуре через жилой квартал, где живет Лариса Самсонова — она тоже ввиду пересменки оказалась дома на неделю, но потом опять поедет туда. Там всего две школы было, в Шатуре, все друг друга знали, замечательная атмосфера. И вот эта Лариса стоит, и я иду мимо, делая вид, будто я ее не замечаю, и сердце бьется... Я вернулся домой, а что дома? Коммунальная квартира, кирпичный дом, во дворе зелени никакой, на улице, конечно, уличное движение. Продолжать путешествовать по Москве, читать книги — но ведь это же лето, лето... Тоскливо, в общем. А у нас были большие подоконники шириной чуть ли не 60 сантиметров, из настоящего мрамора. Жара стоит, я из спринцовки наливаю лужи на подоконник, и смотрю на эти лужи, как они высыхают. И вот я воображаю, что эти лужи — острова, то есть суша, а окружающее их сухое пространство — океаны. Как менялись контуры лужи, как они распространяются. Потом воображаю, что у меня будет маленькая железная дорога

игрушечная, как она пройдет по всем этим подоконникам, как я проведу тоннели от одного окна к другому, через межоконные пространства. В общем, книги... Так проходит остаток лета.

Соседи по коммунальной квартире

Я еще могу некоторые бытовые подробности... У нас есть время сегодня, да? Значит, мы живем в коммунальной квартире, вернулись к тем же соседям, продолжают отношения не очень хорошие, которые были до войны. До войны у меня мама была министр иностранных дел, она решала вопрос, как наша семья относится к остальным, мы с папой в это дело не вмешивались. Если моя мама с кем-то не разговаривала, я автоматически с этими людьми не разговариваю, с этой семьей. И вот, значит, у нас живут соседи. Мы занимаем две лучшие комнаты в квартире, которые получили от ее бывшего владельца Мищенко в результате обмена. Когда мои родители съехали, когда они решили все-таки жить вместе и когда в конце концов, в 39-м году, я сходил со своими родителями в загс. Мои родители зарегистрировали свой брак при мне, это было году в 1938-м — 1939-м, перед тем как я пошел в школу. И дали мне фамилию отца, которая причиняла мне потом некоторые неприятности. Но в конце концов я этим доволен. Был бы я сейчас Ткачев, никто бы меня в интернете не нашел, потому что Ткачевых на свете как собак нерезаных. А с этой фамилией [Родоман] людей мало. Зарегистрировали они свой брак, и моя мама взяла фамилию моего отца. Хотя в паспорте у нее было написано «украинка», а у отца было написано «русский». Ну, значит, мы занимаем две лучшие комнаты, третья комната в виде гостиной, тоже красивая, но там напротив построили уже дом те же хозяева, еще в 1906 году, там темная всегда комната, там живет семья. Во главе ее Федор Николаевич Хазов, волынского происхождения мужик с русской фамилией, не знаю, какое он отношение имел к Волыни... которого моя мама называла алкоголиком. Я о нем уже немного говорил, сейчас еще напомним: он каждый день выпивал четвертинку водки, всю жизнь. И дожил до девяноста двух лет, в возрасте девяноста двух лет его сшиб мотоцикл. После этого он еще три месяца пролежал в больнице, ему в составе апельсинового сока ту же водку носили, и он эту водку пил уже с апельсиновым соком. Так он прожил еще три месяца. Сколько бы он еще жил, я не знаю, если бы его не сшиб мотоцикл, но если человек живет долго, он рано или поздно попадает под машину, точно вам скажу. Поэтому задача сделать людей бессмертными... Даже если вы сделаете потенциально жизнь человека продолжительностью тысячу лет, то уж под машину он обязательно попадет. Я больше всего боюсь именно этого. Федор Николаевич Хазов по прозвищу Алкоголик, его жена Наталья Степановна, женщина довольно приветливая. Но моя мама вообще всех презирала, она говорила: «Ти-ти-ти, мать твою ети!» — или: «Без мыла в жопу лезет». В общем, когда человек мягкий, незлобный, она, так говорила: «Ти-ти-ти, мать твою ети!», «Без мыла в жопу лезет». Но с ней она не могла поссориться, потому что Наталья Степановна так себя вела, что с ней невозможно было поссориться. Федор Николаевич у нас был старостой квартиры, все-таки администратор. Поэтому с этой семьей у нас были хорошие отношения... И их сын Коля непутевый, который в конце концов спился. С этим Колей тоже была история. Однажды он дома очень сильно буянил, и мой отец вынужден был вызвать милицию. Когда вызвали милицию, Колю милиционеры засадили в тюрьму на семь лет. Не за то, что он дебоширил в квартире, а за то, что сразу не сдался в руки милиции, а начал сопротивляться. Он семь лет отсидел и вернулся в нашу квартиру. И ты что, думаешь, он стал врагом нашим? Ничего подобного, он стал лучшим другом нашей семьи и подарил нам на память мисочку алюминиевую мятую, с которой не расставался все эти годы. И когда у меня была первая жена, мы уже получили квартиру в Марьиной роще, в 1981 году, мы пригласили этого Колю в качестве мастера на все руки, чтобы он нам сверлил бетон. Этого он не смог, он был настолько уже алкоголик, у него руки дрожали, он не мог уже работать, бедняга. Умер, конечно: спился. Значит, это первая семья. Следующая семья: всего десять квадратных метров, и там жили до войны четыре человека. Отец семейства, которого моя мама называла «припадочным», Семен. Он был бухгалтер, бедный человек, несколько толстый, она его называла «припадочным», у него пена изо рта. Он умер, по-моему, во время или после войны, точно не помню. Его жена, которую моя мама называла «Крыса». Ее имя я уже забыл настоящее, она у нас фигурировала под именем «Крыса». Юра, что вы так удивляетесь? Хамская семья, я себя вовсе не считаю таким уж интеллигентным.

Ю.С.: Нет-нет. Чем вызвано прозвище?

Б.Р.: Неприязню, которую моя мама к ней питала. Наверное, у моей мамы как яркого представителя простого народа были свои соображения. Простой народ, он дает очень хорошие клички, не случайно же. Я своими кличками тоже доволен. У меня в школе было мало кличек, но в московской школе меня называли «профессор» и «буквояд», ну, это же правильно? Как будущий как бы профессор, это же ясно. Хотя профессором я, строго говоря, никогда не был. «Буквояд» — действительно, я был редактором. В общем, ничего. Были прозвища похуже, я потом скажу, но ничего особо неприятного. Вот, Крыса, значит, была. Ее дочери, моя ровесница Зина 1931 года рождения. Мне так внушили неприязнь к этой семье, что я с этой Зиной всю жизнь не разговаривал, хотя она была из моей квартиры, моего возраста девочка. Она и выросла на моих глазах, и состарилась, так я с ней и не разговаривал. А ее младшая сестра Тася. Для моей мамы они были «сопля» и «ссыкуха». Но дело в том, что моя мама всех девочек так называла: «сопля» или «ссыкуха»: «У-у-у, ссыкуха! У-у-у, сопля!» Наконец, следующая комната, чуть побольше, метров четырнадцать. Уж не помню, кто там жил, кроме этой женщины, но там жила некая Александра Семеновна по прозвищу «Дегенератка». Моя мать называла ее не иначе как «Дегенератка». Но с Дегенераткой, правда, бывали периоды, когда мы с ней общались. Дегенератка меня учила на кухне посуду мыть. Она говорила, что когда я мою посуду... Ее же в тазике мыли. Обычно дома [в комнате] мыли посуду, но иногда на кухне. На кухне, в коммунальной квартире... Не знаю, Юра, вам приходилось жить в коммунальной квартире? Там стояли столы деревянные, каждая семья имела свой стол, четыре стола стояло, в углу — газовая плита. Кажется, во время войны газ был отключен. У нас были примусы, керосинки. Примус — ужасная вещь, керосинка — тоже. Видимо, газ тогда был отключен, иначе почему же они у нас были? Вот она меня учила мыть посуду, говорила: «Обратную сторону посуды тоже надо мыть, ведь ты жопу свою моешь, вот у посуды тоже жопа, ее надо мыть». Так говорила Александра Семеновна. И потом, когда она умирала, уже в 1970-х — нет, скорее, в конце 1950-х, еще отец был жив, она перед смертью просила прощения и, кажется, признавалась, что делала какие-то гадости в нашу кастрюлю. Ну, как обычно, в коммунальной квартире. И была по-христиански прощена моим отцом. Он ее простил, она умерла в мире и согласии. И на ее место вселилась еще одна семья, о которой расскажу позже. Так мы жили в коммунальной квартире. По возвращении из эвакуации в 1943 году нас встретил наш пес Самбим. Он благополучно пережил первую часть войны, когда всем было не до собак. Не могу сказать, что мой отец его выгнал на улицу, но он не мог о нем заботиться, он же ездил на гастроли в прифронтовую полосу. Его взяла к себе соседка по дому по фамилии Стабульникова. Мы ее называли Стабульня, она его *входила*, она его держала всю войну, она его любила. Он был кастрированный, помесь шпица с сибирской лайкой. Очень нервный, как я уже говорил, моего отца он очень любил. Говорили о ней не без осуждения, что в голодное время, достав курочку, бульон ела она, а курочку — собачке. А это было непросто, курочку достать.

Американское продовольствие и одежда

Самые голодные годы мы были в эвакуации, сейчас уж стало немного легче. Почему стало легче с едой? Потому что нам помогали американцы. Помощь американская — для всей страны вряд ли, но для москвичей она огромную роль сыграла. Мы носили шмотки, которые теперь называются «секонд-хенд». Тогда такого не было, американское. Мы ели американскую еду, которая как-то давалась дополнительно, что ли, к нашему пайку. Прежде всего это свиная тушенка, вкусная очень, вкуснее той, которую ты у меня будешь есть сейчас по окончании нашего интервью, точно могу тебе сказать. И главное, надпись там была такая «Тушонка». Там «тушенка» писали через «О», а не через «Е», как сейчас. И вместо «У» была буква «У». Это никогда не забудешь — как выглядела этикетка. Мы регулярно получали от каких-то источников эту свиную тушенку. Дальше, мы получали бекон или бекон, точно не знаю, как правильно [ставится] ударение, прекрасный американский бекон, мраморный. Сейчас я нигде такого не найду, нигде. Я вижу или сало, или шпик, это все другое. Ветчина — это другое. Видимо, у нас нет такого откорма свиней, как у них был. Ну, мы его по-украински, а не по-американски с чесноком ели, очень вкусно. Колбасный фарш, баночки маленькие. Фарш такого же типа, как у колбасы любительской или докторской, но более

пряный, острый. И с тех пор я не могу понять, зачем колбасу делают в шкуре. Я не понимаю, почему ее не делают в консервных банках. В консервных банках она бы вечно сохранялась. Колбаса — это наследник той эпохи, когда... это кишки животных, фаршированные мясными продуктами. Но сейчас же они безвкусные, оболочки, почему нельзя этот фарш мягких колбас вареных просто запаять в банку, он бы там вечно сохранялся. Ну и колбасный фарш мы ели, сгущенное молоко.

Ю.С.: Что значит ели? По карточкам все это?

Б.Р.: Да, конечно... Дело в том, что помимо карточек, которые отоваривались в магазине, на работе тоже были свои каналы. И время от времени каждому служащему что-то выдавали, какие-то продовольственные заказы, сверх карточек. А как же люди выжили во время войны? Я не могу себе иначе представить. Я не могу сказать, что мы голодали, недоедали. Я не знаю ничего такого. Во время войны не было понятия «купить», не было понятия этого — «я купил». Ни одежду, ни продовольствие не покупали. Их получали или доставали. «Получали» — это скорее более легально, «доставали» — уже менее легально. «Достать» — это среднее между «получить» и «украсть». Вот суфле. Это такая жидкость, похоже на расплавленное мороженое, на сахарине. Мороженое без карточек, на сахарине. Была еще одежда нашего происхождения, кирзовые сапоги например. Но это уже в более старшем возрасте. Какие-то ботинки я носил американского происхождения, но это скорее относится году к 1946-му. Американские шмотки, френч американского морского офицера, прекрасный френч — моя Татьяна выкинула только в 2000 году, когда мы переезжали на эту квартиру. У меня в чемодане лежали два френча суконных. Я всю жизнь мечтал, чтобы у меня такие куртки были — одни карманы чего стоят. Двенадцать карманов, в них можно тетради целые положить. Правда, с отложным воротником, на галстук рассчитанным, но можно и в китель переделать. Настоящее сукно, оно непромокаемое, на него лей водой из чайника — она не просочится. Вот это была у нас одежда. Пальто у меня было очень странное, тоже американского происхождения, с каким-то бархатным воротничком. Никто на это не смотрел до первого курса, если не до второго. А я поступил в университет в 1949 году [*оговорка — на самом деле в 1950 — Б.Р.*].

Итак, начался уже шестой класс.

Отношение детей к войне

Ю.С.: А скажите все-таки: про пионерлагерь когда вы рассказывали, у вас рассказ, как книжка Гайдара. Но ведь это же была война, и какие-то... Политинформация?

Б.Р.: Конечно.

Ю.С.: Что-то связанное с войной было?

Б.Р.: Мы были в курсе, каждый день слушали сводки Информбюро. Как можно было этого не знать? И каждый день радовались победе, наступлению. Дело в том, что это была уже эпоха сплошного наступления, по сути дела, отступления кончились нашей армии. Это значит передвижение флажков на карте. Везде, где только можно висели карты, и флажки все время передвигались. Салюты, 1943-й год, большое впечатление это производило. Салюты, по-моему, по случаю взятия Курска или Белгорода, и того, и другого. Если мне не изменяет память, уже с лета 1943 года. А дальше без конца салюты, без конца. Обычно двенадцать залпов из 144-х орудий. Конечно, жили в приподнятой атмосфере. В пятом классе нам преподавали античную историю, у нас была очень хорошая учительница истории в пятом классе, она потом Конституцию преподавала. У нас очень разная дисциплина была в школе, все зависело от загадочных свойств учителей. У некоторых учителей не было дисциплины, над ними издевались даже пятиклассники. Над старыми учителями просто издевались. А эта женщина, забыл ее имя-фамилию, у нее все по струнке сидели, никто никогда ничего. У меня были одни пятерки, ни одной четверки не получал. Она как-то сказала... Пифия такая была в Дельфах. Мы недавно были в Дельфах, три года назад, с Лялей, мы видели расселину, из которой исходили газы, которые опьяняли Пифию. Вот, и она спросила: «Ребята, если бы встретились с Пифией, какой бы вы задали ей вопрос?» Весь класс хором

ответил: «Когда закончится война?» Расставание мое с пятым классом произошло очень знаменательно: обо мне написали в газете «Московский большевик» [21 мая 1944 г.], она есть у меня, эта газета, ксерокопия ее. Меня, отвечающего на экзамене по географии. Я как географ в первый и последний раз в жизни запечатлелся в центральной газете, будучи учеником пятого класса.

Ю.С.: А как это произошло?

Б.Р.: Некая Вера Ивантер, журналист, написала в том стиле, который тогда полагался: слащавую статью о том, что в то время, как герои на фронтах войны — их дети тут сдают... Главным героем она избрала некоего Валю Пряхина, потому что у него отец на фронте. С меня что возьмешь? У меня отец не на фронте. Дальше такие слова: «у пятиклассников география. Мальчик говорит: раньше думали, что земля плоская...» (Мальчик говорит это со снисходительным упреком по адресу невежественных предков). Мальчик в тексте по имени не назван, но это я, моя там фотография. «Это пятиклассник Боря Радоман» (она так написала мою фамилию. Наша фамилия так тоже писалась). Он отвечает по географии«. И меня сфотографировали, я держу глобус в страшно неестественной позе. И в Википедии, если обо мне статью посмотришь... Она хорошо составлена, статья в Википедии. По-моему, это Каганский начинал, а закончила Герасименко. Она привела в порядок мою статью в Википедии — с моим участием, конечно. И там есть такой раздел в конце, «О Родомане», и там первый источник этот назван. Там мало источников, всего, может быть, восемь. Но на меня с тех пор ни центральные газеты, ни радио, ни телевидение внимания не обращают. Вот так я расстался с пятым классом, а после пятого класса я поехал в пионерлагерь в Шатуру. По окончании опять унылое полугодие, шестой класс. Опять одни мальчики, все это скучно. Я не знаю, на сегодня все или можно продолжать?

Ю.С.: Ну, как вы сами.

Лесная школа

Б.Р.: Я могу еще. Итак, идет зима 1944/45 года. Я продолжаю учиться в 273-й школе, в несколько унылой обстановке среди одних мальчиков. Тем временем война неумолимо продвигается к концу. Наша армия в 1944 году впервые вступила на зарубежную территорию. Это было для нас совершенно ново, необычно. Кажется, это произошло в Румынии. Даже показано было, как румынские крестьяне в меховых шапках встречают нашу армию. Это произошло в районе города Яссы, если не ошибаюсь.

Ю.С.: Показано в кинохронике, да?

Б.Р.: Нет, в газете фотографии, как сейчас помню. И в кинохронике, видимо, тоже. Я не могу точно вспомнить. Мы ходили в кино редко. Понятно, что просмотр фильмов начинался с кинохроники, но я очень мало ходил в кино в детстве. Я, похоже, вообще не ходил в этом периоде своей жизни в кино, с пятого по десятый класс. Но газеты мы получали. Ну и радио мы слушали, следили за сводками. Ничто из этих политических и военных событий — в той интерпретации, как нам подавала советская пропаганда, — ничто от нас не ускользало. Мама моя считала себя в этом отношении очень подкованной, она все это воспринимала на 100%, как положено советскому человеку. И вот наступила середина зимы, 1945 год. И тут у моего отца появилась возможность меня отправить на целых полгода в заведение, которое называлось «лесная школа» для детей с ослабленным здоровьем. А где вы найдете детей с неослабленным здоровьем во время войны? Через профсоюзы, разумеется, все это делалось.

” Как вы знаете из моих рассказов, несмотря на войну какой-то порядок был. Я не идеализирую ту эпоху, но должен признать, что был порядок: и снабжение, и эвакуация, и забота о детях.

И детские столовые тоже были, я о них позже скажу. Как-то людей поддерживали. Отвезли меня в лесную школу, она находилась на далекой окраине Москвы, которая ныне ближе к центру, чем мой дом,

где мы сейчас с вами сидим. Это был район недалеко от моего нынешнего дома. Если бы не заслоняли некоторые здания, я бы его видел в окно. Соломенная сторожка, Астрадамский проезд, улица Вучетича, где 50-ая больница сейчас. Там была лесная школа. Этот квартал сохранился, сейчас там кадетский корпус, потом еще какой-то пансионат, к западу от него лесопарк Тимирязевской академии, которую мы с вами видим в окно. Эта территория была присоединена к Москве еще в 1917 году, но полностью застроена не была, и нас от Москвы отделяли обширные поля, помню это как сейчас. Трамвай проходил там еще до революции, до 1926 года, это был паровой трамвай. Там ходил паровоз, несколько прицепных вагонов, и кондуктором работал Паустовский. Знаменитая эта его история, когда он был кондуктором, и какой-то старик ему все время давал сторублевую бумажку, и он не мог ему дать сдачи. Наконец он пошел в банк, разменял и дал старику 99 рублей 95 копеек сдачи. Старик забрал деньги и больше на трамвае не ездил. Но с 1926 года там ходит обыкновенный электрический трамвай, который доходил до Тимирязевской академии. Это был район Тимирязевской академии. Этот квартал я с удовольствием бы сейчас посетил, но туда не пропускают. Что там находится, не знаю. Тогда там было прекрасное двухэтажное здание в виде особняка или дачи. К нему был пристроен широкий коридор, который служил актовым залом. Коридор и зал, застекленный с двух сторон. А за ним еще один деревянный корпус. Там с 1936 года жили дети, которых привезли из Испании. И часть учителей, которые обслуживали еще испанских детей, сохранялась в этой лесной школе. Поэтому и до нас доходили какие-то испанские песни, что-то еще. Это интернат, в котором с января по май я жил. Меня сначала поместили в большую спальню, а потом как мальчика более болезненного или, может быть, благодаря хлопотам моих родителей, поместили в более элитную комнатку, где было всего пять кроватей. С одной стороны, это было лучше, с другой — хуже, потому что среди этих ребят я оказался, естественно, последним, и они надо мной немножко издевались. Как положено, какое-то подобие дедовщины. У меня было прозвище Бревно, или Полено — вот они там двигаются, а я, полено, лежу. Издевались надо мной, гадости разные говорили, бздели, так сказать, пердели около моего носа. Все как положено, в общем. Моей отрадой были друзья, приятели более младшие. Поскольку я в этом коллективе, как и во всяком коллективе ровесников был последним, с той лишь разницей, что моя роль последнего в пионерлагере Шатуры была неплохой благодаря покровительству Толи Трутко и других хороших пионеров, здесь было похуже. Но доминировать и изображать из себя более старшего я мог только с младшими, поэтому у меня сразу же появились один или два приятеля классом меньше, то есть из пятого класса. У меня появились друзья, с которыми я общался, что-то им рассказывал, они ко мне тянулись. Но самое прекрасное было, что мы учились с девочками. Опять после полутора лет ужасной разлуки, не считая пионерлагеря в Шатуре, — всё-таки не совсем это была разлука — я опять оказался в коллективе среди девочек, нас с девочками было пополам. В классе я чувствовал себя хорошо. Я чувствовал себя хуже гораздо в спальне, но в классе, на переменах я чувствовал себя нормально. Я, естественно, не был подвижным ребенком, не носился по залу, не играл. У нас была там художественная самодеятельность, и мы пели разные песни, случайно унаследованные нами то от испанских детей, то еще откуда-то. Песни были очень странные, была какая-то песня польского происхождения на русском языке с такими словами: «Война идет, война идет, огонь не угасает... Нас комсомол ведет вперед...». Что-то такое в таком вот духе, это была песня польских революционеров. Действительно, по ритму она была польская. И потом, как ни странно, у нас исполняли блатную песню хором: «А я бедный Халиджан, на копейку бедный, мало ел и мало пил и ходил весь бледный». У нас был один мальчик, наш, так сказать, классный хулиган, который всегда экстремальные поступки совершал. К нему покровительственно относились педагоги. И вот он эту песню притащил, которую мы исполняли хором: «А я бедный Халиджан, на копейку бедный, мало ел и мало пил и ходил весь бледный. Ой, хали, халитангли, джон-и-мангли, джон-и-мангли, нема нишо, нема нидэ, нема, нема!» (Поет.) А дальше: «Я придумал один штурк, как мне быть с деньгами — я поехал в Есентук, там, где много дами. Ой, хали-халитанглиджан-джон-и-мангли-джон-и-мангли, неманишо, неманидэ, неманема». И дальше он говорит ей: «Ой ви, дам, можно в вас влюбляться? Давай сядем на трамвай, будем прокататься». (А действительно, в Пятигорске есть трамвай.) «Ой, хали-халитанглиджан-джон-и-мангли-джон-и-мангли, неманишо, неманидэ, неманема». В общем, он ее повез туда. И: «ушел она домой бледный, как сметана», — а дальше в настоящем-то тексте говорится: «и с разорванной пиздой, и с пустым карманом». Но там, конечно, пели как-то иначе, какое-то приличное слово было. А «с пустым карманом» — да. Я ее как сейчас помню, это было с разрешения педагогов, снисходительного. Была

однажды исполнена на сцене в этом актовом зале, который представлял собой очень широкий коридор с окнами по сторонам. Вот там мы жили в преддверии Великой Победы, следили за сводками, настроение было приподнятое. В классе были девочки разные, среди девочек была одна очень крупная. Возможно, она была и старше года на два. Это уже шестой класс, мы шли тогда в возрасте тринадцати лет, а не двенадцати как сейчас. Возможно, ей было уже пятнадцать — это уже, понимаешь, тетка, и она была полная очень. Говорили, что за ней ухаживает какой-то майор. Ее фамилия была Баклан, и ребята сочинили такую песенку или басню, по Крылову: «На солнышке Баклан, с майором лежа, грелись». Потом там была девушка по имени Инга Беленькая, то ли евреечка, то ли армянского вида, знойная такая, куталась в шаль. Я своим родителям запретил меня навещать, я ничего не ел из того, что... Мне ничего не приносили есть, как то и в армии [у тебя, Юра] тоже было. Когда сказали: чтобы родители тебя не навещали, я решил, что мне это не нужно. Зачем нарушать, я же живу в этом мире, не надо мне родителей... По-моему, я так и не видел родителей, хотя им ничего не стоило проехать на трамвае. Но мы были оторваны от Москвы, мы чувствовали себя совершенно вне Москвы, совершенно. Хотя на трамвае было доехать не так уж трудно с одной пересадкой до моего дома, меньше чем за час. Там появилась девочка, в которую я тоже влюбился, но прежде чем говорить о ней скажу, как нас осматривали врачи. Там были хорошие врачи, хорошее отделение медицинское, изолятор, все это было. И ватерклозет был у нас настоящий, хотя в деревянном доме. И раз в две недели, мальчиков и девочек отдельно, прогоняли через большой зал, раздевали всех до гола, полностью. Ни одежды, ни обуви, все в сторону. Одежда своя была, а белье казенное. Значит, меняли нам белье. Всех раздели догола, потом всех конвейером: объем легких, вес, какие есть жалобы.

” А диагноза два: если болит живот — то объелся тем, что родители приносят. Если что-то еще — влюбился. Два только диагноза: объелся и влюбился. Так всем ставили.

Однажды я получил условно чистое белье, у которого подмышками было что-то мокрое и черное. То ли не до конца выстирано, то ли чей-то пот. Такие вот вещи. Я там был средним по здоровью, даже скорее ослабленным. В классе, я положил глаз на одну девочку, ее звали Влада Краснопольская, Владилена Семеновна Краснопольская, родилась она 1 октября 1931 года, а я 29 мая 1931 года. Это была очень правильная девочка, перфекционистка, как говорят по-нынешнему. Она стремилась, чтобы все было правильно, чтобы все было идеально и совершенно. Конечно, такая девочка не могла не обратить на себя мое внимание. Она была достаточно хорошенькая, она была очень умная, рассудительная. Она любила двух людей: свою маму, которая незадолго до этого умерла от туберкулеза, и Владимира Ильича Ленина. Она могла говорить только о них, с утра до вечера. При ней была еще Светочка Нежданова, младшая подруга, но Влада была доминирующая. Влада Краснопольская была очень грамотная, она не позволяла никаких неправильных выражений, например, если я скажу «ихние», еще чего-то, это ее шокировало, уже тогда дети были очень грамотны, во всяком случае, окружавшие меня. Это ее шокировало, она сразу же поправляла. Если она видела где-то что-то неправильное, она немедленно возражала, немедленно. Она была очень строгой. Она считала себя грузинкой, хотя на самом деле отец ее был еврей, а грузинкой была только мать. И она всю жизнь в паспорте писалась грузинкой, даже в милиции ее уговаривали сменить национальность: мы вам «русская» напишем, только не надо вот этого. До последнего времени она в паспорте числилась грузинкой. Ее идеалом была царица Тамара, но она никогда не была в Грузии. Что ей мешало, уже позже, приехать туда? Это, конечно, загадка. Никогда она не была в Грузии, никогда не была на родине своей мамы, хотя она и сейчас жива. Но я уверен, что она не прочтает и не услышит того, что я говорю сейчас, потому что это поколение людей далеко от интернета, они в ужасе даже от одного упоминания о нем. И жизнь ее сложилась соответствующим образом. Отец ее был на фронте, не знаю, в каких частях он воевал, Семен Краснопольский. Может быть, был интендантом, может быть, в тылу работал, много чего у него было во время войны. И когда он вернулся, жена спросила: «Семен, а у тебя там была какая-нибудь женщина?» — три года же, не меньше. Он им попросту сказал: «Да, была», — и она якобы этого

не выдержала и умерла. Ну, по легенде Влады. Об этом я узнал уже позже гораздо, не тогда, не в тринадцать. Ясно, что такая девочка захватила мое воображение. Я стал считать себя в нее влюбленным. Это была вторая детская любовь, по моим подсчетам. А во взрослом состоянии было пять больших неразделенных любовей, но о них я говорить не буду, потому что это уже не относится к нашему разговору. Вот про детские еще сказать можно. Тем временем приближается Победа, а наш дом почему-то осаждают хулиганы. Этих хулиганов мы называли «типы», нам всем сказано было на улицу не выходить. Какая-то банда нас осаждает, кто-то выбегает на крыльцо с палками в руках — и я тоже, — угрожать этим типам. У нас был такой Хоменюк, не хулиган, но остряк. Еврейского происхождения мальчик, я потом его встречал, но в Интернете не нашел. Видимо, из него не получился известный человек. Он мне все время грозил, чтобы я во время своих путешествий не ходил на улицу Истоминка, потому что там со мной расправятся. И часто, когда мы гуляли, говорил: «Истоминка близко!» А Истоминка — это улица 8-го марта, там еще есть то ли 6-ая улица 8-го марта, то ли 8-ая улица 6-го марта. В общем говоря, их немножко переименовали, но туда наш трамвай ходил 27-й, это на другом конце Тимирязевского лесопарка. Были у нас там военные игры, в Тимирязевском парке, где я тоже мечтал скорее сдаться в плен. Уже идет весна, уже ходят слухи, уже 8-го мая был слух, что война кончилась. Ну и, наконец, нам сообщили с опозданием на день, чтобы День Победы устроить 9-го, а не 8-го, как во всей Европе. Но тут, когда узнали, начался сплошной крик. Все стали просто кричать во весь голос, никто никому не мешал кричать, все кричали, шумели, тарабанили палками.

Надо было ехать в Москву, а я был дисциплинированный мальчик, и нам нельзя было покидать территорию школы. Но в этот день никто ни за кем не следил, поэтому все нормальные ребята поехали, а я не поехал. Я не видел Дня Победы.

А что можно было видеть на окраине Москвы, в лесопарке? А нормальные дети все съездили в город на трамвае, со своими родителями увидели этот замечательный праздник, День Победы, который я считаю единственным настоящим праздником, не календарным. Тем временем я вдруг заболел малярией. У нас через дорогу от нашего дома была изба, которая служила изолятором, там не было ватерклозета, а было ведро. Я вообще не представлял, как можно пользоваться ведром. Там я несколько дней пролежал и в бреду написал любовное письмо Владе Краснопольской. Это уже была не записочка, а целое письмо, тетрадь. Что я писал в этой тетради? Как бы я хотел сейчас это прочитать... Я, как всегда, не посмел непосредственно ей передать, а передал через Светочку Нежданову. Насколько я понимаю, Светочка не передала письма, потому что Влада это отрицает, она ничего такого не помнит. Как целомудренная девушка, сейчас ей восемьдесят два скоро будет, она осталась такой же, она, разумеется, все это категорически отрицает. Она даже и слышать ничего не хочет. Как же сложилась судьба этой замечательной девушки? Она осталась правильной советской девушкой-дарвинисткой до сегодняшнего дня, и нетрудно догадаться, что у нее не было детей, не было семейной жизни. А когда ей всего этого захотелось, было уже поздно, потому что она немного созрела только к пятидесяти годам. До пятидесяти лет она была еще незрелой. Вот тебе пример советского развития. Отца своего она, по сути, загнала в гроб, потому что всю жизнь его попрекала тем, что он загнал в гроб ее мать. Она жила с отцом и каждый день пилила его за то, что он маму не сберег. Как сложилась дальше ее жизнь? Она хорошо училась в Тимирязевской академии, ей прямая дорога была в аспирантуру, но она сказала: «Я не достойна, пусть мое место займет более достойный человек», — поступила работать младшим лаборантом на 600, а впоследствии 60 хрущевских рублей. Я потом ее случайно встретил на ВДНХ, она в соответствующем павильоне дежурила. Я несколько раз пытался ее вовлечь в наши лыжные прогулки, уже когда ей было тридцать с чем-то, потом однажды с ней разговаривал долго по телефону. У меня не было своего телефона, я стоял в телефонной будке, и она меня спросила: «Что же тебе нужно в смысле жены и любимой девушки?». Я ей полтора часа объяснял, мне уж тогда было около тридцати, а потом пришел домой и все это записал. У меня получился трактат «Идеальная подруга», который и сейчас у меня лежит в разрозненном виде. Будет время, я его переведу в электронный вид. Там четырнадцать глав, вступление,

заклучение, идеальный портрет, все там написано — благодаря разговору с этой девушкой. Ее личная жизнь не сложилась. Что у нее было, я не знаю, но когда ей исполнилось пятьдесят или больше, она захотела всего, захотела любви, захотела стать матерью, но было поздно. И меня она уже никак с этой точки зрения не волновала. Даже когда пыталась ко мне как-то протянуть руку или прикоснуться, я не испытывал ничего, кроме неловкости. Сейчас с ней общаться исключительно тяжело, исключительно. Не знаю, как она осталась с образом Владимира Ильича Ленина, потому что эти годы постсоветские сыграли все-таки свою роль, и любовь к Ленину она куда-то упрятала вглубь. В советское время ее однажды выпустили в ГДР, больше она никогда за границей не была. Живет она очень бедно, сейчас построила дачу. Да, у нее на старости лет был друг Сережа, при ней жил. Возможно, можно считать его ее мужем. Он тоже микробиолог был, и когда он был уже пенсионером, ему разрешали приходить на рабочее место и бесплатно работать в институте по специальности. Она была микробиологом. Но она с пенсионного возраста там не работала. Недалеко от Рублево-Успенского шоссе, в водоохранной зоне они построили нелегальный дачный поселок. Построили его буквально из мусора, там нет ни запирающихся дверей, ни запирающихся заборов, какие-то плетни. И там она, человек с биологическим образованием, разводит замечательные фрукты, овощи, меня она туда иногда приглашала. Три года назад я у нее был. Надо сказать, что это общение не способствует улучшению настроения. Я был у нее последний раз года три назад, а через несколько дней я позвонил, и она сказала, что ее друг Сережа умер. Сейчас она живет одна, о смерти говорить ни в коем случае не хочет, боится. Она много лет ездила играть в волейбол, около остановки Ромашково, что ли, есть такая станция по пути к Рублеву, там очень много москвичей собиралось. Но потом это место застроили коттеджами. Она не унывает, бодро живет.

Ю.С.: Верующей стала, нет?

Б.Р.: Нет, не стала. Она не впала ни во что, не рехнулась, она не впадала в православие, нет, с этим хорошо у нее. Я думаю, что у нее гуманистически-материалистическое представление, такое же, как у меня.

Второе лето в пионерлагере

Ну вот, значит, День Победы. И опять меня везут в пионерлагерь Шатуры. Уже война кончилась, все, так сказать, опомнились. Дети отчасти тоже, но новость: со мной еще тринадцать москвичей. Уже никто не посмеет сказать: «Москвичка, в жопе тычка!» — и так далее. Теперь нас, москвичей, уже четырнадцать человек. А остальные те же: и Трутко, и Лариса Самсонова. На этот раз я жил не в той большой спальне, а в соседней комнате. И там у меня появился друг, Геня Левин.

” Это была моя любовь, первая в моей жизни и последняя любовь к мальчику. То есть задним числом, конечно, можно рассматривать это как гомосексуальную любовь. Потому что это любовь была настоящая. Ну, может быть, это было в пику девочкам.

Еще потому, что это было на глазах у Ларисы Самсоновой. Она опять появилась в моей жизни, я до этого во Владу влюбился, значит, я должен был как-то переживать расставание с Владой. А тут Лариса Самсонова, моя позавчерашняя любовь. Она уже проявляет ко мне гораздо больший интерес, чем раньше. А я в пику ей влюблен в мальчика Геню Левина. Это был замечательный мальчик, он был моложе меня, я мог в какой-то степени, как старший, доминировать. Но в моральном отношении он был выше меня, он меня часто утешал. Он был юный барабанщик. Мне очень нравилось его лицо, я не скрываю, мы с ним целовались. Я его целовал с огромным удовольствием, мы часто лежали в постели, но не более того, мы не раздевали друг друга. Там вообще эротическая атмосфера была, потому что еще в прошлые годы многие мальчики спали вместе. Надоест спать одному — спали вдвоем. И я тоже с одним переспал ночью. В общем, тут у меня уже возлюбленный мальчик Геня Левин. Он меня всячески утешает,

мне нравится его внешность, я нахожу его бесконечно красивым. У нас были какие-то любовные сцены, мы чего-то там делили, ссорились. А в основном мы проявляли друг к другу нежность с налетом счастья. После обеда полагалось лежать в кроватях — мы лежали в кроватях. Не можем же мы спать днем, я никогда днем не спал. Дальше интересная пикантная особенность. Я в то время достал или прочитал две книги, по тем временам очень важные для сексуального просвещения. Вересаева «Записки врача», а также «За закрытой дверью», воспоминания одного врача венерических болезней. Там описаны венерические болезни. За неимением другой литературы я эти книги не только хорошо прочитал, но еще и рассказывал мальчикам, которые в этой комнате со мной жили (в этой комнате еще были мальчики, нас всего четверо там было). И вот однажды я, лежа на кровати днем, рассказывал мальчикам содержание одной из этих книг, а за тонкой стеной лежала девочка по фамилии Эпштейн. Она все это запомнила и рассказала другим девочкам. Так просачивались какие-то скудные данные о половой жизни. Однажды, помню, мы лежали с Геней в кровати, проявляя друг к другу нежность, а тут появилась Лариса Самсонова. И она стала дразнить нас, как бы в окно к нам лезть, открывать. Обстановка была уже какая-то... менее скованная. Тут тоже был Толя Трутко во главе. Опять встал вопрос: что делать дальше, оставаться там? И я опять отказался оставаться, несмотря на то, что мне не хотелось расставаться ни с Геней, ни с другими, и Геня меня уговаривал со слезами, чтобы я остался. Он был чей-то приемный сын, еще чего-то. Во мне опять... Я не могу это сейчас объяснить. И опять я вернулся в Москву...

Я думаю, сейчас мы на этом закончим. Впереди у меня с седьмого класса по десятый включительно самый мрачный период моей жизни: грубые мальчишки, отсутствие девочек — это больше всего меня удручало.